

ПРЕСТУПНЫЕ
КАМНИ

Лучшие детективы о драгоценностях

АННА КНЯЗЕВА

Роковое золото
Колчака

МОСКВА
2022

ПРОЛОГ

Июль 1963 года

— Станция Боярский! — Пройдясь по вагону, проводница взяла цветные флажки и направилась в тамбур.

Там уже стояли двое ребят. Одному лет четырнадцать, другому не больше двенадцати. У обоих за плечами — потемневшие фанерные короба.

Она взялась за дверную ручку и в ожидании остановки спросила:

— За ягодой?

— Черника поспела, — ответил тот, что постарше.

— В середине июля?

— У нас в Забайкалье всегда так.

— А это зачем? — Проводница кивнула на завернутое в брезент ружье.

— В тайгу без ружья не ходят.

— Как же вас родители отпускают?

— У нас в Забайкалье всегда так.

— Ружье отцовское?

— Мое.

— Сам купил? — Она недоверчиво улыбнулась. — Когда успел заработать?

— Успел... Шкурки сусликов сам лично сдавал. Одна шкурка — одна копейка.

— Сколько же ты сусликов перебил?

— Ружье в сельпо стоило семнадцать рублей. Вот и считайте... — Помолчав, пацан похвалился: — Двадцать четвертый калибр. У обычного ружья ствол вот какой... — Он показал пальцем. — А у этого на сорок два сантиметра длиньше.

— Длиннее, — поправила проводница.

— То есть я гуся как быю? Гусь же умная птица, начнут его стрелять дальнобойщики, он поднимется в высоту, где их ружья не берут. А я лягу на спину да как дам! Гусь упал. Перезаряжу... Бдых! Второй гусь упал. Мужики подходят: как ты, малец, гуся сбиваешь? А я им: у меня ружье — другое.

— Разве ты имеешь право охотиться без отца?

— Да кто проверяет...

— А зачем поездом едете? Возле деревни тайги нет?

— У нас только Селенга¹ и болота. До коренной тайги, до Хамар-Дабана², сначала на автобусе до станции Тимлой нужно ехать, потом два часа поездом и еще пешком километров тридцать протопать.

Дождавшись остановки, проводница открыла дверь, вытерла тряпкой поручень, подняла и закрепила откидную площадку. Дождалась, пока оба мальчика спрыгнут на землю.

— Ну, счастливо дотопать! — крикнула им и выставила наружу свернутый желтый флажок.

Мальчишки пошли по насыпи, вдоль путей, но не к вокзалу, а в противоположную сторону, куда вместе с ними двинулись другие сошедшие с поезда пассажиры.

¹ Река в Бурятии, впадает в Байкал.

² Горный массив к югу от Байкала.

В вагонах заклацали двери, раздался свисток паровоза. Поезд тронулся. Когда промелькнул последний вагон, все стали переходить на другую сторону железнодорожных путей. Взрослые переговаривались, мужчины курили.

— Лень, глянь... — Тот, что младше, остановился. — Байкал!

Ленька оглянулся.

— Моря не видел?

— Видел.

— Ну так что?

— Когда это было...

— В июне.

— Мы тогда с Ягудой ходили. Разве с ним нагладишься!

Он все: поспешай да поспешай...

— Как наш батя. Даром, его друг... Ты, Митяй, давай поспешай.

Митяй шмыгнул носом, поглядел на темную воду Байкала, развернулся и зашагал вслед за братом.

Сначала они шли по узкой тропинке, затем по грунтовой дороге. Когда пересекли федеральную трассу, огибающую Байкал с запада и идущую на Улан-Удэ, вступили в кустарник, который очень скоро сменил высокий, густой ивняк.

Тропа, петляющая вокруг моховых бугорков, сделалась мягкой, а потом и вовсе исчезла. Дальше пошла дурнина¹ со множеством ключей, ручейков и болотец. Там, где лежали жерди, мальчишки перебирались по ним. Болотистые гати обходили по колено в ржавой гнилой жиже, неширокие ручейки брали «с подпрыгу».

¹ Болотистая местность.

Дурнина была уродливой: кривые полумертвые деревья, тальник, черемуха и редкий кустарник. Изредка попадались корявые лиственницы, не выше человеческого роста.

Станция Боярский располагалась на «полке»¹ у озера Байкал, которое местные называли не иначе как морем. Чуть дальше от берега километров на двенадцать-пятнадцать простерлась низменность, большую часть которой занимала дурнина. За ней начиналась коренная тайга, по которой нужно идти полдня, чтобы добраться до гор Хамар-Дабана. Там заканчивался кедрач, сосновый лес, появлялись гольцы², и рос кедровый стланик. Обычный кедр вырастает огромным, а стланик — невысокий, метра полтора-два, и ветки у него как у стелющейся яблони. В этих местах росла черника.

К гольцам Леньку и Митьку впервые привел друг отца, дядя Вася Ягудин, но уже второй год они ходили туда одни. Построили шалаш, который примыкал к небольшой скальной пещерке и был ее продолжением. К скале приставили жерди, обложили их лапником, повесили на кожаных петлях дверцу — обычную рамку из веток и лапника. Получилось отличное укрытие, в котором они всегда табарились³.

И жерди, и лапник пришлось натаскать, потому что деревьев здесь почти не было, один только мох и вековые сухостоины, вымоченные дождем, оббитые ветром, иссушенные солнцем, блестящие, как кость, и желтые, как янтарь. Таковую в костер положишь — горит жарким пламенем, и нет ни дымка.

¹ Ровный горизонтальный участок суши, примыкающий к воде.

² Скалы, поросшие мохом.

³ Располагаться на привал.

В тайгу Ленька начал ходить с отцом лет с семи. Через два года стали брать с собой Митьку. Ружья для них отец купил в сельпо так же просто, как сепаратор или как мясорубку. Ни у отца, ни у матери охотничье рвение сыновей тревоги не вызывало, в деревне ружья были у всех. По местным понятиям, если у пацана есть ружье, значит, растет добытчик.

Отпуская сыновей на охоту или за ягодой, отец структурировал их на все случаи жизни, или, как он говорил, «на все сто процентов». Первым правилом было то, что в тайге больше всего нужно бояться людей. От зверя можно уйти или спрятаться, в конце концов — застрелить. А у человека есть карабин. На восемьсот метров уйдешь — все равно он тебя достанет.

Тайга в этих местах звалась Золотой. Не потому, что красивая, а потому, что в земле было золото, и его добывали. На приисках, где есть добыча, есть воровство. Ну а где его крали, там промышляли несуны, или «насуны», как называли их местные жители. Насуны выносили через тайгу краденое золото на себе. На них охотились, их выслеживали, но если насуну удавалось добраться до места встречи с заказчиком, он мог не работать долгие годы или просадить все за один курортный сезон в городе Сочи.

Местные жители знали: при встрече насун любого убьет. Иначе убьют его. Выследят и точно убьют.

Отец, Семен Федулович, поучал своих сыновей:

— Если в тайге чужой, кедровка звучок подаст, но самое главное — ворон. — Он поднял палец и помахал им, будто грозя. — Не ворона, а ворон. Ворон больше вороны в три раза, величиной с большую черную курицу. И если ворон сказал «ка-а-а-а-р»...

— Бежать надо? — спросил Митька.

— Скрадывайся. Сиди не дыши. И чтоб не бзднул, ни сучок не сломал. Нужно — день просиди. Когда уйдет по-дальше, тогда аккуратненько выйдешь.

Отцовская наука пошла впрок, мальчишки намертво усвоили законы тайги.

Дурнина закончилась, и началась коренная тайга, а вместе с ней чуть заметная тропка, которая петляла среди деревьев — замшелых лиственниц, кедрача и вековых сосен. Здесь, как на дурнине, зверствовал гнус. Комары тоненько и зло ныли, впиваясь в уши, лицо и шею.

Часа через полтора им встретился первый дубас, трехсотлетний кедр, волшебное дерево с гигантской зеленой кроной. К такому подойдешь, закинешь голову — и залюбуешься, какая в нем сила.

Так они прошли еще два часа, если не больше. Идут-идут, а все смотрят, чтобы нигде никакой подвижки, ветка не шелохнулась, птичка не крикнула.

Тайга стала редеть, над деревьями уже вздымался горный хребет. Гольцы, а значит, шалаш был совсем рядом.

— Ка-а-а-а-р-р!

Ленька быстро присел и дернул за рукав Митьку. Тот тоже опустился на корточки. Ворон прокричал еще раз:

— Ка-а-а-а-р-р!

В кронах деревьев громко застрекотала кедровка.

— Здесь недалеко насунья тропа, варнаки золото носят, — прошептал Митька. — Батя так говорил...

Ленька зыркнул на него и сделал знак спрятаться в ельнике. Сам короткими перебежками удалился метров на сорок, так, чтобы не выпускать брата из виду. Дальше они все сделали так, как учил отец: тихо сидели каждый в своем укрытии.

Кедровки не унимались. Теперь их было не меньше трех, значит, тот, кто шел по тайге, был где-то близко.

— Ка-а-а-а-р-р! Ка-а-а-а-р-р! — отчетливо крикнул ворон.

За стволами мелькнул человек. Сгорбившись, он стремительно шагал в их направлении. На его спине был рюкзак, на плече висел карабин. Когда мужчина приблизился метров на сто, Митька неожиданно вскрикнул, выскочил из укрытия и радостно побежал навстречу.

— Дядя Вася!

Теперь и Ленька узнал в мужчине друга отца, но с места не двинулся, наблюдая за тем, как младший брат скинул короб и бежал навстречу Ягуде. Тот вдруг остановился, сдернул с плеча карабин и наставил его на Митьку.

Несколько мгновений растянулись в целую вечность. Треснул выстрел, и с деревьев разом вспорхнули птицы. Митька споткнулся, отпрянул, и его голова разлетелась красными ключьями. Потом, безголовый, он упал на траву.

Ленька ткнулся лицом в мох и сцепил зубы. Ощувив солоноватый вкус крови, даже не понял, что насквозь прокусил язык. И когда снова поднял голову, увидел, как Ягуда разглядывает мертвого Митьку.

Вдавлив тело в изложину между корнями кедра, Ленька нащупал ружье, бесшумно подтянул его и уложил дулом на корень. Ягуда поднял голову и, выставив карабин, стал бешено крутиться на месте. Чуть выждав, Ленька нажал на курок. Ягуду словно переломило. Отбросив оружие, он скорчился. А когда отнял руки от живота, взревел и стал размазывать по лицу алую кровь.

ГЛАВА 1

СЛЮДЯНКА

За полчаса до прибытия в Слюдянку Сергей Дуло стоял у окна и смотрел в темноту. Где-то там был Байкал. По коридору бегала сонная проводница и стучала в двери:

— Просыпаемся! Через тридцать минут Слюдянка!

Из купе выглядывали заспанные пассажиры, после чего началась возня и беготня в туалет.

Полина Свирская уже приготовила чемоданы и, устроившись за столиком, помешивала сахар в стакане, который сидел в настоящем железнодорожном подстаканнике.

Сергей опустил окно, в лицо пахнуло морской свежестью. В темноте замелькали редкие огоньки, которые, извиваясь, отражались в черной воде. Издалека долетел протяжный свисток тепловоза.

— Белье сдали? — Возле него остановилась девушка-проводница.

— Полина, мы сдали белье? — спросил Сергей у жены.

— Я сама унесла его десять минут назад, — сказала Полина.

Ничего не ответив, девушка заглянула к соседям.

— Здесь белье сдали?..

Полина придвинула второй стакан и хлопнула по дивану рядом с собой.

— Иди сюда.

Сергей вернулся в купе и быстро допил чай. Потом уселся рядом с Полиной.

— Неужели тебе не нравится? — спросила она.

— Что?

— Новые места. Путешествие. Отдых.

— Нравится. — Ответив так, он покривил душой. Их путешествие пока заключалось в шестичасовом перелете из Москвы в Иркутск и трех часах, проведенных в мягком вагоне. Ему удалось вздремнуть пару часов, но лучше бы он и вовсе не спал. Настроение было ни к черту. — Нравится, — повторил он.

— Врешь. Я слишком хорошо тебя знаю.

— Там Байкал. — Сергей кивнул на окно в коридоре.

— Не заговаривай мне зубы. Выключил свой мобильник?

— Мне могут позвонить по работе.

— Именно поэтому я прошу его выключить.

Вздыхнув, Сергей Дуло вынул свой телефон и демонстративно, на глазах жены, его отключил.

— Молодец, — похвалила Полина.

В купе заглянула проводница:

— Прибыли. Готовимся к выходу.

Они, не сговариваясь, обернулись к окну и увидели, что за стеклом проплывают слабоосвещенные станционные постройки. Сергей встал, забрал оба чемодана и прошел в коридор, где уже толпились груженные пассажиры. Он крикнул:

— Идешь?!

Полина взяла свою сумочку и двинулась вслед за ним.

Их вагон остановился напротив серого здания, на котором были синие буквы: «Слюдянка». Отстояв небольшую очередь, они вышли в тамбур. Дуло спрыгнул на землю, забрал чемоданы и отнес их на перрон. Затем вернулся и подхватил Полину.

— Хорошо иметь сильного мужа, — заметила она мимоходом.

— Хорошо иметь худую жену. — Сергей поставил ее рядом с собой, поднял чемоданы и зашагал к вокзалу.

Они прошли через пустой зал ожидания и оказались на улице с другой стороны здания. Дуло направился к ближайшему такси и спросил через открытое окно у развалившегося в кресле водителя:

— До санатория «Байкальская здравница» довезете? Тот резко выпрямился и запустил двигатель.

— Садитесь!

— Сколько будет стоить? — поинтересовалась Полина.

— Садись, — велел ей Сергей и понес чемоданы к багажнику. Когда вернулся, уселся на переднее сиденье и сказал больше для нее, чем для водителя: — Договоримся.

Машина выехала на загородное шоссе. Эта часть путешествия была самой короткой: через десять минут они прибыли в санаторий «Байкальская здравница». Заспанный охранник впустил их в главный корпус и отправился искать дежурного администратора. Устроившись в креслах, Сергей и Полина разом заснули.

Охранник вернулся один, неуверенно пошарил в каком-то шкафу, достал оттуда ключ с большим брелком-набалдашником и отдал его Сергею. Затем объяснил, что их двухэтажный корпус стоит у самого озера и

что идти туда не больше пяти минут. Он даже вышел на крыльцо и махнул рукой в темноту.

Полина и Сергей побрели в указанном направлении. Теперь и Полине все разонравилось. Под ноги то и дело попадали какие-то камни. В голове бродили мрачные мысли. Было холодно, бесприютно, темно.

Добравшись до корпуса, они молчком вошли в номер, кинули вещи и улеглись спать.

Полина сразу же засопела, а вот Сергей, сколько ни ворочался, уснуть не сумел. Когда ему приспичило закурить, он встал, отыскал брюки, достал сигареты. Пачка была пуста. Чертыхнувшись, вынул мобильник, но, взглянув на черное табло, вспомнил, что сам его отключил. В крайнем раздражении быстро оделся и вышел на балкон. Огляделся в поисках магазина или киоска. Вокруг царил беспроглядная темень.

Понемногу глаза привыкли, Сергей увидел или скорее почувствовал рядом с собой огромную махину Байкала, гигантскую массу воды, которая словно живое реликтовое существо давало о себе знать какими-то особенными мощными импульсами. От этой близости ему стало тревожно.

Услышав негромкий стук, Сергей вернулся в комнату и приблизился к двери. Когда стук повторился, он ее распахнул. От двери отпрянул высокий седой мужчина.

— Чего вам?

— Сергей Васильевич Дуло?

— Я.

Теперь Сергей разглядел, что мужчина в домашнем халате и тапочках, и удивленно спросил:

— Вы кто?

— Карелин Вадим Егорович, директор санатория «Байкальская здравница».

— Что вам нужно?

Директор вытянул руку в указующем жесте:

— Вас приглашают.

— Куда?

— К телефону.

— Кто?

— Полковник Яковлев. Из Москвы.

Сергей вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

— Куда идти? — Он вопросительно взглянул на Карелина.

— В главный корпус, там мой кабинет.

Они спустились по лестнице и вышли из санаторного корпуса. На улице чуть-чуть посветлело и уже были видны другие утопающие в зелени корпуса. Оглянувшись, Сергей увидел четкую линию горизонта между черной маслянистой водой Байкала и предрассветным небом.

Карелин, хоть и был в тапках, шагал по-военному широко. Так что до главного корпуса они добрались за пару минут. На крыльце их ждал охранник. Распахнув дверь, он отступил в сторону.

Оказавшись в своем кабинете, Карелин взял со стола трубку и протянул Сергею. Сам вышел за дверь.

— У телефона, — произнес Дуло.

Из трубки раздался голос его начальника:

— Здравствуй, Сергей. Яковлев беспокоит...

— Здравствуйте, Геннадий Петрович.

— Разбудил?

— Нет...

— Разбудил. — Яковлев смущенно вздохнул. — У вас там сколько сейчас? Половина четвертого?